

Глава 18. Бычьеголовый и Лошадиная Морда. Часть VII

В пещере затихло эхо голоса Цэнь Сяолу. Ответа не последовало.

Чан Я осторожно потянул друга за рукав и прошептал:

— Неужели здесь есть кто-то ещё?

— Всё в порядке, — Цэнь Сяолу настороженно вглядывался в темноту, откуда донёсся звук, но разглядеть что-то в непроглядном мраке было невозможно.

— Что ты задумал? — Чан Я почувствовал, как Сяолу наклонился и начал шарить руками по земле.

Тот лишь едва заметно усмехнулся.

— Выманю змею из норы.

Нащупав круглый плод, недавно укатившийся в темноту, он с силой швырнул его в сторону звука. Раздался глухой удар, а следом — короткий вскрик: «Ой!»

— И вправду кто-то есть, — Чан Я крепче вцепился в одежду Сяолу.

Вскоре послышалось шуршание, и из-за камней забрезжил слабый огонёк. На свет показалась приземистая фигурка, а следом раздался звонкий, по-детски обиженный голос:

— Кто это тут безобразничает в запретном месте? Да ещё и плодами кидается!

Чан Я оторопел. Тот, кто напугал его до полусмерти, оказался обычным мальчишкой лет шести-семи, к тому же совершенно лысым.

— Это я, — отозвался Цэнь Сяолу. Он и сам не ожидал увидеть здесь ребёнка, но виду не подал. Придержав Чан Я, он направился к маленькому послушнику.

— Стойте! — малец выставил руку вперёд и попятился, размахивая фонарём. — Не подходите! Говорите оттуда.

— Хорошо-хорошо, — послушно остановились друзья.

— Малыш, как ты здесь оказался? — спросил Чан Я. — Чей ты будешь? Заблудился, что ли?

Скажи нам, и мы поможем тебе вернуться домой.

Мальчик сердито уставился на них. В руках он сжимал дикий плод — тот самый, что раньше подкатился к ногам Чан Я.

— Это моё место. А вы кто такие?

— Те, кому суждено было сюда прийти, — вкрадчиво ответил Сяолу. — Ты говоришь, это твоё место, но где доказательства? На слово мы тебе не поверим.

— Моё это место, и всё тут! — заупрямился ребёнок. — Эта земля принадлежит храму Танби, просто она заброшена. Я первый её нашёл, значит, теперь она моя.

— Раз это владения Танби, ты не можешь просто забрать их себе. Если только... — Сяолу намеренно растягивал слова, раззадоривая любопытство мальчишки. — Если только ты сам не послушник из этого храма?

— Ну, послушник. И что с того? — малец гневно ткнул пальцем в сторону Сяолу. — Ты, злой человек! Ворвался сюда, так ещё и плодом в меня запустил. А ну, уходите немедленно!

— Эй, маленький послушник, не кипятись! — Чан Я поспешил сгладить углы. — Мы забрели сюда случайно, и знать не знали, что у этого места есть хозяин. Не сердись на нас, мы просим прощения.

— Хм! — послушник надул губы, хотя было неясно, сменил ли он гнев на милость.

Чан Я решил ковать железо, пока горячо:

— У такого мудрого послушника сердце должно быть широким, как море. Я хотел бы спросить тебя кое о чём.

— О чём? — мальчик, польщённый похвалой, заметно смягчился.

— Заходил ли сюда кто-нибудь, кроме нас?

Вопрос был простым, но ребёнок на мгновение задумался.

— Она не такая, как вы. Я сам её сюда привёл.

Друзья переглянулись. Похоже, этот малец и впрямь кое-что знал.

— О ком ты говоришь?

— О сестрице, — звонко ответил тот.

— Как её зовут? — не отступал Чан Я.

— Она велела называть её... — послушник задумчиво прикусил палец. — Сестрица Цинлин.

Это была Шуй Цинлин.

— Зачем ты привёл её сюда? — спросил Сяолу.

— Сестрица просила найти место, где никого нет. А здесь тише всего, сюда обычно никто не заглядывает.

— Сестрица? Вы, я смотрю, в ладах, — заметил Цэнь Сяолу. Стало ясно, что Шуй Цинлин бывала здесь не раз, а значит, её страх перед каменными изваяниями был притворством. — Раз это место принадлежало храму Танби, ты наверняка знаешь его историю. Скажем, что это за две статуи? Откуда они взялись?

Сяолу решил зайти с этой стороны: жуткие изваяния были единственной зацепкой, связывающей пещеру с Шуй Цинлин.

— Конечно, знаю! Это... — послушник осекся. — Мы договаривались на пару вопросов, а вы всё спрашиваете и спрашиваете. Не хочу больше отвечать.

Чан Я мгновенно сообразил, как на него надавить:

— А ты знаешь Мастера Нихуэя?

— Ещё бы.

— Сейчас как раз закончилась служба, в храме полно народу, — притворно-задумчиво произнёс Чан Я. — Все заняты делом. Неужели твой наставник не хватится тебя?

Лицо мальчишки изменилось, спесь мигом поубавилась:

— Ищет он меня или нет — не ваше дело.

— Нам-то всё равно, а вот твоему учителю — нет, — Чан Я кивнул на друга. — Этот старший

брат в большом почёте у Мастера Нихуэя, а тот, как известно, водит дружбу с твоим наставником. Ради Мастера мы могли бы помочь твоему учителю... и рассказать, что ты прячешься здесь.

Чан Я понятия не имел, кто наставник у этого мальчика и знаком ли он с Нихуэем. Он просто блефовал, надеясь взять ребёнка «на испуг».

Угроза подействовала. Послушник надулся и после долгого колебания заговорил:

— Говорят, это место было обителью самого настоятеля-основателя. Это буддийский грот, а Бычьеголовый и Лошадиная Морда остались ещё с тех времён. На самом деле здесь не только статуи — на стенах вырезаны лики Будды и сутры, просто от времени всё стёрлось и обветшало.

С этими словами мальчик поднял фонарь, освещая кусок скалы. Цэнь Сяолу и Чан Я подошли ближе и действительно различили на камне следы резьбы.

— Настоятель Шинюань предавался здесь аскезе, постигая путь Будды, и достиг великого просветления. Статуи же он велел возвести по образу стражей преисподней, чтобы отваживать незваных гостей. Для него самого они были напоминанием: нужно быть верным пути и не позволять мирским заботам тревожить дух.

Рассказ послушника походил на обычную легенду. Кроме совпадения со сном Шуй Цинлин, зацепиться было не за что.

— Я рассказал вам всё, что знал, — пробормотал мальчик. — Только... не говорите ничего Мастеру Нихуэю. Если наставник узнает, мне несдобровать.

Чан Я не удержался и с улыбкой потрепал мальчишку по макушке:

— Конечно, не скажем.

— Ты говорил, Шуй Цинлин просила отвести её в уединённое место, — вставил Сяолу. — Она оставалась здесь совсем одна? Что она тут делала?

— Сестрица Цинлин ко мне добра и часто угощает сладостями, поэтому я разрешил ей приходить сюда. Когда она здесь, я обычно ухожу. Сестрица говорит, что дома ей слишком тошно, и на людях тоже, хочется просто побыть одной и перевести дух. Наставник со мной строг, я и сам сюда сбегая, так что я её понимаю и никогда ей не мешаю. Вы не смотрите, что тут темно и сыро. Если набраться смелости и пройти мимо Бычьеголового и Лошадиной Морды, там откроется целый новый мир! Там гораздо светлее, есть выход в сад и даже горячий источник. Если замерзнете, можно погреться — кости сразу отойдут. А в жару в пещере прохладно, лучше всякого ледника.

Мальчишка разошёлся, с гордостью выкладывая секреты своего убежища.

— Раз там так хорошо, проводи нас, — предложил Чан Я.

— Ну уж нет! — отрезал послушник. — Я делюсь этим местом только с сестрицей. Чужакам туда нельзя.

Чан Я усмехнулся. Если бы они действительно захотели войти, малец не смог бы их остановить — он и так уже всё выболтал.

— Ты, никак, влюбился в свою сестрицу, раз только её и пускаешь? — поддел его Чан Я.

— Что за чепуха! — мальчик вспыхнул и заикаясь выпалил: — Мы, люди веры... у нас все шесть чувств должны быть чисты! Как я могу... как я могу грезить о мирском?

— Да я же не про это, — Чан Я похлопал его по плечу. — «Любить» можно по-разному. Но, гляжу я на тебя, — твои шесть чувств ещё долго не будут чистыми.

Мальчишка покраснел ещё гуще. Сяолу, не выдержав, мягко потянул друга за руку:

— Хватит тебе ребёнка изводить.

Затем он снова обратился к послушнику:

— Когда Шуй Цинлин заходила внутрь, тебе ни разу не стало любопытно, что там происходит? Неужели не подглядывал?

Тот бросил сердитый взгляд на Чан Я и отступил на шаг. На вопрос Сяолу он ответил, запинаясь:

— Я... я не следил за ней. Просто... просто я кое-что там забыл.

— И что же ты увидел? — надавил Сяолу.

Выражение лица мальчика менялось несколько раз, в глазах мелькнула обида.

— Там был чужой.

Цэнь Сяолу мгновенно зацепился за это:

— Шуй Цинлин привела его с собой?

Послушник надул губы и принялся ковырять пальцем стену:

— Я его не знаю. Тот брат выглядит старше вас. Но это ничего... Он наверняка хороший друг сестрицы Цинлин. Как она дружит со мной, так и с ним. Раз я делюсь с ней своим местом, то и она, наверное, захотела показать его другу.

Мальчик явно пытался успокоить самого себя, но обида на лице выдавала его с головой — появление «чужого брата» ему очень не понравилось.

«Тайное свидание?» — одна и та же мысль одновременно пришла в голову Сяолу и Чан Я. Шуй Цинлин была как раз в том возрасте, когда сердце открывается для чувств.

— Верно, хорошим местом всегда хочется поделиться с другом, — подхватил Чан Я, сочувственно кивнув мальчишке. Он приобнял Сяолу за плечи и широко улыбнулся: — Вот он — мой младший брат по учебе. Если у меня есть что-то вкусное, я всегда даю ему попробовать. Если я знаю, что сладости хороши, разве я не захочу, чтобы и он почувствовал этот вкус? Так ведь?

Он лукаво подмигнул другу. Сяолу не сразу понял, к чему тот клонит, но, поймав вопросительный взгляд послушника, вздохнул и подыграл:

— Да, они очень сладкие.

Мальчишка так и не согласился проводить их внутрь, и друзья не стали настаивать. Втроём они выбрались из пещеры. Когда Шуй Цинлин посещала храм Танби, её всегда сопровождала Син-эр. Узнав о болезни хозяйки, служанка осталась в храме, чтобы молиться о её здравии. Теперь, когда они узнали от послушника о таинственном мужчине, пришло время допросить ту, кто неотлучно следовала за госпожой. Она просто не могла ничего не знать.

<http://bllate.org/book/17545/1712123>